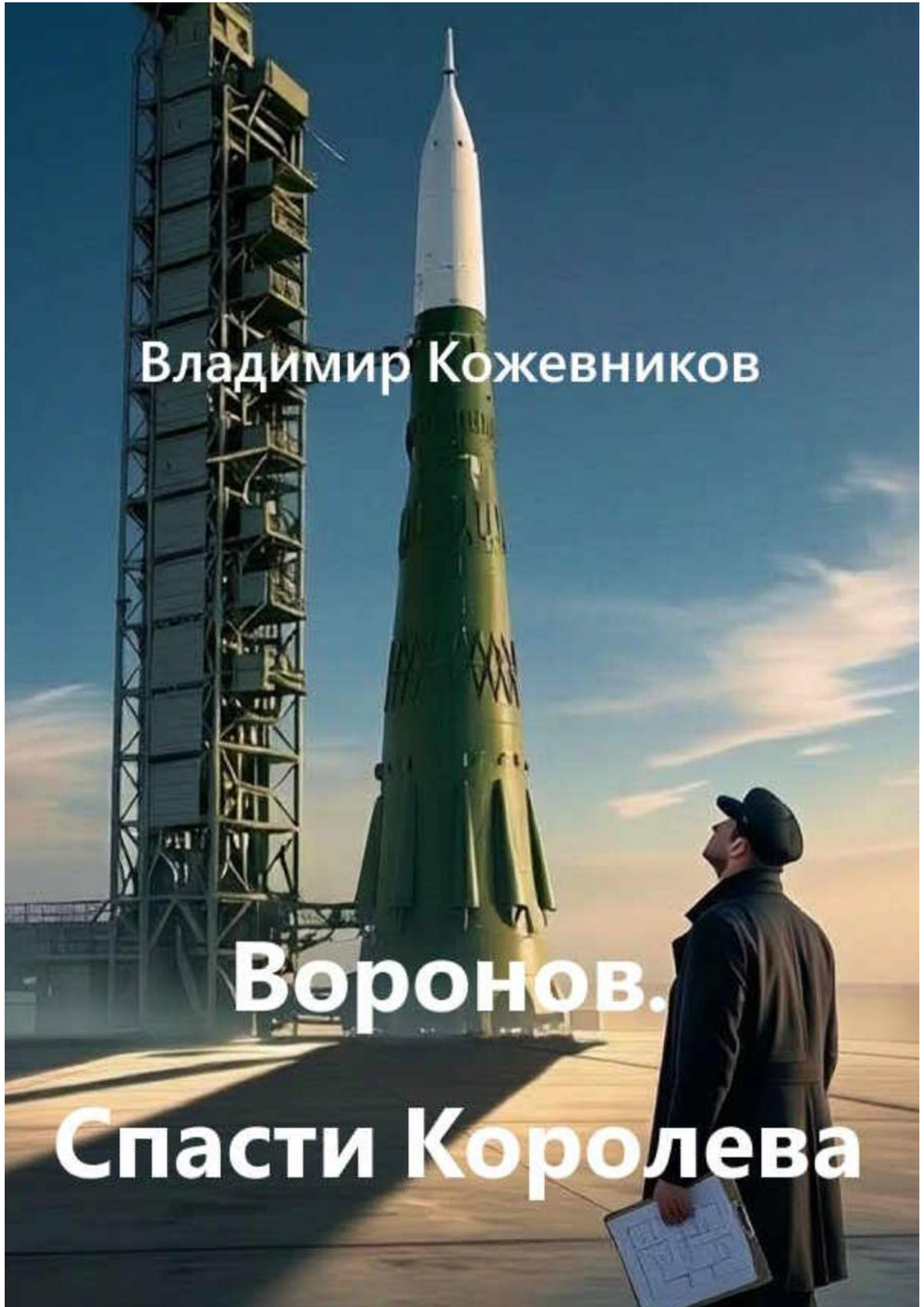


A man in a dark military uniform and cap stands in the foreground, looking up at a tall, green and white rocket. The rocket is positioned next to a tall, metal service structure. The scene is set outdoors on a flat, light-colored surface under a clear blue sky with some light clouds. The lighting suggests it is either early morning or late afternoon, with long shadows cast on the ground.

Владимир Кожевников

Воронов.

Спасти Королева

Владимир Кожевников
Воронов. Спасти Королева

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Воронов. Спасти Королева / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Москва, 1964 год. Алексей Воронов, инженер из будущего, узнаёт, что Сергей Королев смертельно болен. Он синтезирует экспериментальное лекарство, спасая жизнь главному конструктору. Но это лишь начало: Воронов вступает в борьбу с бюрократами и шпионами, продвигает модульную сборку ракет, балансирует между работой и семьёй. Ему предстоит пережить предательство, арест врагов, рождение дочери и запуск Н-1. Сможет ли он изменить историю и привести СССР к Луне раньше американцев?

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приговор	5
Глава 2. Формула	8
Глава 3. Культуры	12
Глава 4. Палата 412	16
Глава 5. Побочный эффект	20
Глава 6. Круги по воде	24
Глава 7. Свидетель	28
Глава 8. Бумаги не горят	32
Глава 9. Предъявление	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Кожевников

Воронов. Спасти Королева

Глава 1. Приговор

Москва, 14 января 1964 года.

Воронов стоял у окна своего кабинета в НИИ-88 и смотрел, как снег падает на заснеженные крыши. Белые хлопья кружились в свете уличных фонарей, медленно опускаясь на землю, и в этом безмолвном танце было что-то гипнотическое, почти медитативное. Он держал в руке телефонную трубку, и голос на другом конце провода говорил слова, которые он отказывался понимать.

— Повторите, — сказал он, и его собственный голос прозвучал чужим, словно принадлежал кому-то другому.

— Сергей Павлович в больнице, — повторил голос. Это был секретарь Королева, пожилая женщина с усталым, но твёрдым голосом, которая работала с главным конструктором больше десяти лет. — Вчера вечером ему стало плохо на совещании. Врачи говорят... — она замолчала, и Воронов услышал, как она сглатывает слёзы. — Врачи говорят, что это серьёзно. Опухоль. В кишечнике. Они собираются оперировать, но...

— Где он? — перебил Воронов, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугую комок. — В какой больнице?

— В Кремлёвской. Четвёртый корпус. Но туда никого не пускают. Только по специальному разрешению.

Воронов положил трубку, не попрощавшись. Его руки дрожали, и он сжал их в кулаки, пытаясь унять дрожь. Мозг лихорадочно работал, перебирая факты, которые он знал из своей прошлой жизни. Королев. Сергей Павлович Королев. Человек, который создал советскую космическую программу. Человек, который вывел Гагарина в космос. Человек, который должен был умереть...

Когда? В его реальности, в той жизни, из которой он пришёл, Королев умер в январе 1966 года. От рака. От опухоли в кишечнике, которую не смогли вовремя диагностировать. Ему было всего пятьдесят девять лет. Его смерть стала началом конца советской лунной программы. Н-1 взорвалась четыре раза подряд. Американцы высадились на Луну. СССР проиграл лунную гонку.

Но сейчас был январь 1964 года. Два года до смерти Королева. Два года, чтобы что-то изменить.

Воронов закрыл глаза, и на мгновение его захлестнула волна воспоминаний. Он вспомнил, как впервые попал в это время — растерянный, напуганный, не понимающий, что происходит. Он вспомнил, как учился выживать, как врал, как прятался, как постепенно, шаг за шагом, начал менять этот мир. Он вспомнил лица людей, которых он спас — и тех, кого не смог спасти. Мироныч, его верный друг и союзник, который не раз рисковал ради него. Галя, которая стала его якорем в этом бурном море. Екатерина, которая была его тенью и его опорой.

Он уже менял историю. Он знал, что это возможно. Но он также знал, что каждое вмешательство имеет последствия. Он видел, как мир вокруг него меняется, как история сворачивает с проторенного пути. Иногда эти изменения были к лучшему. Иногда — к худшему. И он не всегда мог предсказать, что произойдёт.

Но сейчас он не думал о последствиях. Он думал о Королеве. О человеке, который верил в него. О человеке, который дал ему шанс, когда все остальные сомневались. О человеке, который был сердцем советской космической программы.

Он должен был спасти его.

Воронов схватил пальто и выбежал из кабинета. Он мчался по коридорам института, не обращая внимания на удивлённые взгляды коллег. Ему нужно было попасть в Кремлёвскую больницу. Немедленно.

Он добрался до больницы на такси, которое поймал на улице. Здание больницы было массивным, серым, с высокими колоннами и тяжёлыми дубовыми дверями. Охрана на входе остановила его.

— Пропуск, — сказал охранник, молодой парень с каменным лицом.

— У меня нет пропуска, — ответил Воронов, стараясь говорить спокойно. — Но я должен увидеть Королеву. Это срочно.

— Без пропуска нельзя, — отрезал охранник. — Таков порядок.

Воронов понял, что спорить бесполезно. Он отошёл в сторону и достал телефонную трубку из автомата в холле. Набрал номер Косыгина.

— Алексей Николаевич, это Воронов, — сказал он, когда на другом конце ответили. — Мне нужно попасть в Кремлёвскую больницу. К Королеву. Это вопрос жизни и смерти.

Молчание. Потом Косыгин сказал:

— Я дам распоряжение. Жди.

Через пятнадцать минут к Воронову подошёл офицер в форме КГБ и молча проводил его внутрь. Они прошли по длинным коридорам с высокими потолками, мимо палат с закрытыми дверями, мимо медсестёр в белых халатах, которые смотрели на них с любопытством. Наконец они остановились у двери с табличкой «Палата 412».

— Внутрь нельзя, — сказал офицер. — Но вы можете поговорить с лечащим врачом.

Воронов кивнул. Через несколько минут из палаты вышел пожилой мужчина в белом халате, с усталым лицом и очками на носу. Он представился как профессор Соколов, заведующий отделением.

— Вы к Королеву? — спросил он, смотря на Воронова поверх очков. — Родственник?

— Нет. Я его коллега. Инженер. Мне нужно знать, что с ним.

Соколов вздохнул и отвёл Воронова в сторону.

— У Сергея Павловича опухоль кишечника. Мы обнаружили её случайно, во время обследования. Она уже дала метастазы. Мы можем попробовать операцию, но шансы... — он покачал головой. — Шансы невелики. Опухоль слишком запущена. Если бы её обнаружили раньше, полгода назад, может быть, мы могли бы что-то сделать. Но сейчас...

— Сколько у него времени? — спросил Воронов, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Месяц. Может быть, два. Если операция пройдёт успешно, возможно, полгода. Но это максимум.

Воронов закрыл глаза. Он знал, что это значит. В его реальности Королёв умер через два года после этого разговора. Но здесь, в этой изменённой истории, всё было иначе. Может быть, его вмешательство уже изменило ход событий? Может быть, он что-то упустил?

— Что можно сделать? — спросил он, открывая глаза. — Есть ли какие-то методы лечения, которые могли бы помочь?

Соколов покачал головой.

— Мы используем всё, что у нас есть. Но, к сожалению, медицина не всесильна. Если бы мы могли диагностировать болезнь на ранней стадии... Но сейчас уже поздно.

Воронов вышел из больницы, чувствуя, как снег падает ему на лицо. Холодные хлопья таяли на коже, смешиваясь с потом, который выступил на лбу. Он думал о Королеве. О человеке, который посвятил всю свою жизнь космосу. О человеке, который верил, что СССР может победить в лунной гонке. О человеке, который умрёт через два года, если ничего не изменить.

Он знал, что должен что-то сделать. Но что?

Воронов вернулся в институт и собрал свою команду. Екатерина, Сергей, Ирина, Алексей — все они сидели в конференц-зале, глядя на него с тревогой. Он рассказал им о болезни Королева.

— Мы должны что-то сделать, — сказал он. — Королев — это сердце нашей программы. Без него мы не сможем победить в лунной гонке. Я знаю, что это звучит безумно, но... — он сделал паузу, собираясь с мыслями. — Я знаю о методах лечения, которые могут помочь. Методах, которые ещё не известны в нашей стране.

Екатерина подняла бровь.

— Каких методах?

— Химиотерапия. Лучевая терапия. Новые лекарства. Я читал о них... в зарубежных журналах. — Он знал, что это слабое объяснение, но не мог сказать правду. — Мы можем попробовать достать эти лекарства через знакомых. Или синтезировать их сами.

— Это опасно, — сказал Сергей, нахмурившись. — Если мы начнём экспериментировать с неизвестными методами лечения на живом человеке, нас могут обвинить в шарлатанстве. Или хуже.

— Я знаю, — ответил Воронов. — Но у нас нет выбора. Если мы не сделаем это, Королев умрёт. И тогда всё, что мы построили, рухнет.

Он посмотрел на своих людей, и в его глазах была решимость.

— Я не могу сделать это один. Мне нужна ваша помощь. Вы со мной?

Молчание. Потом Екатерина встала.

— Я с тобой, — сказала она. — Всегда. Но я должна спросить: ты уверен, что это работает? Ты уверен, что мы не сделаем хуже?

Воронов посмотрел на неё. В её глазах была не только решимость, но и страх. Она боялась не за себя — она боялась за него.

— Я не уверен, — честно ответил он. — Но я знаю, что, если мы ничего не сделаем, он умрёт. А если мы попробуем, у нас есть шанс. Может быть, маленький. Но шанс.

Сергей встал.

— Я тоже с тобой, — сказал он. — Но я хочу знать план. Как именно мы собираемся достать эти лекарства?

Воронов кивнул.

— У меня есть знакомый в Министерстве здравоохранения — профессор Зельдович. Он давно интересуется новыми методами лечения рака. Я могу убедить его помочь. Кроме того, я знаю формулу одного из препаратов — его можно синтезировать в нашей лаборатории. Это будет сложно, но возможно.

— А если нас поймают? — спросила Ирина, которая до этого молчала.

— Тогда мы скажем, что действовали по собственной инициативе. Я возьму всю ответственность на себя.

— А бюрократия? — спросил Алексей. — Министерство здравоохранения не даст разрешение на использование экспериментальных методов без согласования с Академией наук.

— Я решу этот вопрос через Косыгина, — ответил Воронов. — У меня есть его поддержка. Если я объясню ему, что речь идёт о жизни Королева, он поможет.

Один за другим они поднялись. Сергей, Ирина, Алексей. Они были готовы.

— Хорошо, — сказал Воронов. — Тогда начнём.

Он вышел из конференц-зала, чувствуя, как на его плечи ложится новая тяжесть. Он знал, что это опасная игра. Он знал, что его враги не дремлют. Но он также знал, что не может отступить. Ради Королева. Ради будущего. Ради всех, кто верил в него.

За окном продолжал падать снег, и Москва утопала в белой тишине. Но в кабинете Воронова горел свет, и там, в этой маленькой комнате, начиналась новая битва. Битва за жизнь человека, который изменил историю. Битва, которая могла изменить будущее.

Глава 2. Формула

Москва, 15 января 1964 года.

Утро встретило Воронова серым, промозглым светом, который сочился сквозь заиндевевшие окна института. Он сидел в лаборатории с самого рассвета, склонившись над листом бумаги, испещрённым формулами, которые он выводил по памяти — медленно, с мучительными паузами, сверяясь с обрывками знаний, сохранившимися в его голове из другой жизни. Химия не была его специальностью. Он был программистом, инженером, но не химиком. Однако он помнил главное — название препарата, который в будущем станет одним из первых эффективных средств против рака кишечника. Пять букв, которые он повторял про себя как молитву: фторурацил.

В его реальности этот препарат начали применять в конце шестидесятых, а массовое производство наладили только в семидесятые. Здесь, в 1964 году, о нём ещё никто не слышал. Но формула была относительно простой — он помнил её из курса органической химии, который когда-то давно, в другой жизни, сдавал в университете. Он помнил структуру молекулы, помнил, что в основе лежит урацил, замещённый атомом фтора. Оставалось воспроизвести синтез.

Он отложил ручку и потёр глаза. В лаборатории пахло реактивами — резким, кисловатым запахом, от которого начинала болеть голова. За окном начинался рабочий день: слышались шаги в коридоре, голоса сотрудников, звон посуды из буфета. Но для Воронова время остановилось. Он был в другом мире, мире формул и реакций, где каждая ошибка могла стоить жизни.

Дверь скрипнула, и вошла Екатерина. Она была в белом халате, с папкой под мышкой, и её лицо было сосредоточенным.

— Ты не спал? — спросила она, садясь напротив.

— Не мог, — ответил он, отодвигая лист с формулами. — Я почти закончил. Осталось проверить несколько реакций.

Она взяла лист и начала изучать формулы. Её пальцы, тонкие и быстрые, скользили по строчкам, и Воронов видел, как её брови сдвигаются всё сильнее.

— Это... необычно, — сказала она наконец. — Я никогда не видела такой структуры. Где ты это взял?

— Читал в одном закрытом журнале, — соврал он. — Ещё в НИИ-35. Там были статьи по экспериментальной онкологии.

Она посмотрела на него долгим взглядом, но не стала допытываться. За полгода совместной работы она привыкла к его странным знаниям, к его необъяснимой осведомлённости в самых разных областях. Она не верила в его легенду до конца, но она доверяла ему. Этого было достаточно.

— Что нужно для синтеза? — спросила она, возвращая лист.

— Урацил, фтор, несколько катализаторов. Урацил можно достать в лаборатории органического синтеза — он используется для других экспериментов. Фтор сложнее — он в дефиците, но у меня есть знакомый на заводе, который может достать небольшую партию. Катализаторы... — он задумался. — Палладий, платина. Это будет проблемой.

— У меня есть знакомый в институте платины, — сказала Екатерина. — Он может помочь с небольшим количеством. Но это будет неофициально.

— Хорошо, — кивнул Воронов. — Тогда начнём сегодня. Чем быстрее мы синтезируем препарат, тем больше шансов у Королева.

Они работали весь день. Воронов паял установку для синтеза — сложную конструкцию из стеклянных трубок, колб и холодильников, которая должна была обеспечить нужные усло-

вия для реакции. Екатерина доставала реактивы, договаривалась с лаборантами, искала катализаторы. К вечеру они были готовы начать первую пробную реакцию.

— Ты уверен, что это сработает? — спросила Екатерина, глядя на установку.

— Нет, — честно ответил он. — Но мы попробуем.

Он включил нагрев. Реакционная смесь начала медленно закипать, и в воздухе появился резкий, неприятный запах. Воронов следил за температурой, за давлением, за цветом раствора. Через час на дне колбы начал образовываться осадок — белый, кристаллический.

— Это оно? — спросила Екатерина, заглядывая в колбу.

— Возможно, — ответил Воронов, чувствуя, как в груди закипает надежда. — Нужно проверить.

Он отфильтровал осадок, промыл его и отправил на анализ. Результаты должны были быть готовы к утру.

Ночью он не спал. Сидел в лаборатории, глядя на колбу с белым порошком, и думал о Королеве. О человеке, который лежал сейчас в больничной палате, не зная, что где-то в этом городе группа инженеров пытается спасти его жизнь. Он думал о том, что, возможно, совершает ошибку. Что, возможно, его вмешательство приведёт к непредсказуемым последствиям. Но он также думал о том, что не может поступить иначе.

Утром пришли результаты анализа. Воронов держал в руках листок с данными и чувствовал, как руки дрожат.

— Это оно, — сказал он, и его голос сорвался. — Мы сделали это.

Екатерина подошла и посмотрела на результаты. Её лицо озарилось улыбкой.

— Ты гений, Воронов.

— Нет, — ответил он, качая головой. — Я просто человек, который знает то, чего не должен знать.

Он убрал порошок в стерильную банку и отправился в Министерство здравоохранения. Ему нужно было убедить профессора Зельдовича помочь с испытаниями препарата. Он знал, что это будет непросто — чиновники не любили эксперименты, особенно когда речь шла о жизни высокопоставленных людей.

Профессор Зельдович оказался невысоким, плотным мужчиной с седой бородой и усталыми глазами. Он сидел в своём кабинете, заваленном папками и книгами, и смотрел на Воронова с нескрываемым скептицизмом.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что какой-то техник-наладчик синтезировал в лаборатории противоопухолевый препарат, о котором не знает мировая наука? — спросил он, поднимая бровь.

— Я не техник-наладчик, — ответил Воронов, стараясь говорить спокойно. — Я руководитель программы по композитным материалам. И я знаю, что этот препарат может спасти жизнь Королеву.

— Королеву? — Зельдович нахмурился. — Это тот самый главный конструктор, о котором все говорят?

— Да. У него опухоль кишечника с метастазами. Врачи говорят, что ему осталось месяцев два. Но если мы попробуем этот препарат, у него появится шанс.

Зельдович долго молчал. Он смотрел на Воронова, и в его глазах была борьба — между скептицизмом учёного и сочувствием человека.

— Вы понимаете, что это экспериментальное лечение? — сказал он наконец. — Что, если оно не сработает? Что, если оно убьёт его быстрее, чем болезнь?

— Я понимаю, — ответил Воронов. — Но я также понимаю, что без лечения он умрёт. А с лечением у него есть шанс. Может быть, маленький. Но шанс.

Зельдович вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Хорошо, — сказал он. — Я помогу вам. Но я хочу присутствовать на испытаниях. И я хочу, чтобы вы понимали: если что-то пойдёт не так, ответственность будет на вас. Кроме того, — он поднял палец, — я хочу, чтобы вы достали мне разрешение от Академии медицинских наук. Без него я не смогу официально использовать экспериментальный препарат.

— Я решу этот вопрос, — ответил Воронов. — У меня есть поддержка Косыгина.

Зельдович поднял бровь, но ничего не сказал. Он лишь кивнул и протянул Воронову руку.

Воронов вышел из Министерства и сразу же позвонил Косыгину из телефонной будки.

— Алексей Николаевич, это Воронов. Мне нужно разрешение от Академии медицинских наук на испытания экспериментального препарата. Это вопрос жизни и смерти.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил Косыгин после долгой паузы.

— Нет. Но я знаю, что без этого Королев умрёт.

— Хорошо. Я дам распоряжение. Но помни: если что-то пойдёт не так, я не смогу тебя защитить.

— Я понимаю, — ответил Воронов и положил трубку.

Он вернулся в институт и собрал команду.

— У нас есть разрешение, — сказал он. — Теперь нужно провести испытания на культуре клеток. Сергей, ты будешь отвечать за анализ. Ирина, подготовь культуры. Алексей, помоги с оборудованием.

— Сколько времени это займёт? — спросил Сергей.

— Неделя. Может быть, две. Зависит от того, как быстро мы получим результаты.

— А если не получим? — спросила Ирина.

Воронов посмотрел на неё. В её глазах был страх, но также и надежда.

— Тогда мы попробуем другой подход, — сказал он. — Но мы не сдадимся. Королев не умрёт. Я обещаю.

Он вышел из лаборатории и направился к выходу. Ему нужно было навестить Галю. Она ждала его дома, и он знал, что она волнуется. Он не сказал ей о своих планах, но она чувствовала, что что-то происходит. Она всегда чувствовала.

Он шёл по заснеженным улицам Москвы, и снег падал ему на лицо. Холодные хлопья таяли на коже, и он чувствовал, как усталость наваливается на плечи. Но он знал, что не может остановиться. Не сейчас. Не когда на кону жизнь человека, который изменил историю.

Он думал о Королеве. О его усталых глазах, о его упрямом подбородке, о его вере в будущее. Он думал о том, что, возможно, именно эта вера помогла ему, Воронову, выжить в этом чужом мире. И теперь он должен был отплатить тем же.

Он подошёл к дому, где ждала его Галя. В окне горел свет. Он поднялся по лестнице и открыл дверь.

Галя сидела на кухне, обхватив кружку с чаем. Увидев его, она встала и бросилась к нему.

— Ты опять пропадал весь день, — сказала она, прижимаясь к нему. — Я волновалась.

— Прости, — ответил он, обнимая её. — Были дела.

— Какие дела? — спросила она, поднимая на него глаза.

Он помолчал. Он не хотел лгать ей, но и правду сказать не мог.

— Королев болен, — сказал он наконец. — Тяжело болен. Я пытаюсь помочь.

Она посмотрела на него, и в её глазах была тревога.

— Ты опять рискуешь?

— Нет, — ответил он. — На этот раз всё официально. У меня есть разрешение.

— Но ты всё равно рискуешь, — сказала она. — Ты всегда рискуешь.

Он обнял её крепче.

— Я не могу иначе. Если я не помогу ему, он умрёт. И тогда всё, что мы построили, рухнет.

Она вздохнула и прижалась к нему.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я просто хочу, чтобы ты был осторожен.

— Я буду, — ответил он.

Он поцеловал её в лоб и сел за стол. Галя налила ему чай, и они сидели молча, глядя на снег, который падал за окном. В этой тишине было что-то уютное, что-то, что давало ему силы. Он знал, что завтра начнётся новая битва. Но сейчас, в этот момент, он был дома.

Глава 3. Культуры

Москва, 17 января 1964 года.

Лаборатория на третьем этаже института, где команда Воронова проводила испытания, представляла собой узкую комнату с низким потолком и единственным окном, выходившим на глухую стену соседнего корпуса. Свет сюда почти не проникал, и даже в ясные дни здесь царил серый полумрак, разгоняемый лишь настольными лампами с зелёными абажурами. Пахло формалином, спиртом и чем-то ещё — тягучим, химическим, от чего начинало першить в горле.

Ирина сидела за микроскопом, склонившись над окуляром. Её тонкие пальцы осторожно вращали винт фокусировки, и она то и дело записывала что-то в блокнот, лежавший рядом. Она была самым молодым специалистом в команде — ей едва исполнилось двадцать пять, — но её руки, привыкшие к тонкой работе, и её терпение, почти монашеское, делали её незаменимой для этой задачи.

— Как дела? — спросил Воронов, входя в лабораторию.

Ирина подняла голову, и он увидел, что её глаза красные от усталости. Она не спала вторые сутки — готовила культуры клеток, следила за их ростом, проверяла реакцию на препарат.

— Культуры растут, — сказала она. — Но результаты пока неоднозначные. Первая партия клеток погибла — концентрация препарата оказалась слишком высокой. Вторая выжила, но деление замедлилось.

Воронов подошёл к столу и посмотрел на чашки Петри. В них, под слоем прозрачной жидкости, виднелись крошечные колонии клеток — сероватые точки, едва различимые невооружённым глазом. Он знал, что это клетки аденокарциномы — рака кишечника, взятого у одного из пациентов больницы. Экспериментальный материал, полученный через знакомых Зельдовича.

— А третья партия? — спросил он.

— Третья партия в термостате, — ответила Ирина. — Я понизила концентрацию и добавила стабилизатор. Если всё пойдёт хорошо, результаты будут к вечеру.

Воронов кивнул и сел на табурет у стены. Он чувствовал, как усталость наваливается на плечи — он тоже почти не спал последние дни, разрываясь между лабораторией, институтом и поездками в Министерство. Но он не мог позволить себе расслабиться. Слишком многое было на кону.

Дверь открылась, и вошёл Сергей. Он был в белом халате, с папкой под мышкой, и его лицо было сосредоточенным.

— Я проверил расчёты, — сказал он, кладя папку на стол. — Если препарат работает так, как мы предполагаем, он должен блокировать синтез ДНК в раковых клетках, не повреждая здоровые. Но есть проблема: он нестабилен. В организме он разлагается за несколько часов.

— Это плохо, — сказал Воронов. — Нам нужно, чтобы он действовал дольше.

— Я думаю, можно использовать липосомальную доставку, — сказал Сергей. — Если мы заключим препарат в липидную оболочку, он сможет циркулировать в крови дольше.

Воронов задумался. Липосомы — микроскопические пузырьки из липидов, которые могут использоваться для доставки лекарств. Он знал об этой технологии из своей прошлой жизни, но в 1964 году о ней почти никто не слышал. Однако принцип был известен — липидные мембраны, везикулы, искусственные клеточные оболочки.

— Это интересная идея, — сказал он. — Но у нас нет оборудования для создания липосом. И времени тоже нет.

— Я могу попробовать, — сказала Ирина, поднимая голову от микроскопа. — У меня есть опыт работы с липидными плёнками. Если я правильно помню методику, можно получить везикулы с помощью ультразвука.

Воронов посмотрел на неё. Она была уставшей, но в её глазах горел тот же огонь, что и у него — решимость, смешанная с надеждой.

— Хорошо, — сказал он. — Попробуй. Но сначала закончи с культурами. Нам нужны результаты.

День тянулся медленно. Воронов провёл его в лаборатории, помогая Ирине с анализами, обсуждая с Сергеем расчёты, проверяя данные. Он почти не выходил из комнаты, только иногда спускался в буфет за чаем — крепким, почти чёрным, который они все пили литрами, чтобы не заснуть.

К вечеру пришли результаты третьей партии. Ирина подошла к микроскопу, заглянула в окуляр и замерла. Потом подняла голову, и на её лице появилась улыбка — робкая, но настоящая.

— Работает, — сказала она. — Клетки остановили деление. Но не погибли — они просто перестали размножаться.

Воронов подошёл и посмотрел в микроскоп. Он увидел колонии клеток, которые выглядели здоровыми, но не делились. Это было именно то, что нужно — остановить рост опухоли, не убивая организм.

— Это оно, — сказал он тихо. — Мы нашли концентрацию.

Сергей подошёл и посмотрел на результаты. Его лицо озарилось улыбкой.

— Поздравляю, Воронов. Ты сделал это.

— Мы сделали это, — ответил Воронов, глядя на свою команду. — Все вместе.

Он повернулся к Ирине.

— Теперь липосомы. Сколько времени тебе нужно?

— День, может быть, два, — ответила она. — Если у меня будет всё необходимое.

— Будет, — сказал Воронов. — Я достану всё, что нужно.

Он вышел из лаборатории и направился к телефону. Ему нужно было позвонить Миронычу — тот мог достать необходимые материалы для липосом. Фосфолипиды, холестерин, ультразвуковой дезинтегратор — всё это было в дефиците, но у Мироныча были связи.

Он набрал номер и ждал. Гудки тянулись долго, и он уже начал думать, что Мироныч ушёл, когда в трубке раздался знакомый хриплый голос.

— Слушаю.

— Мироныч, это Воронов. Мне нужны материалы. Фосфолипиды, холестерин, ультразвуковой дезинтегратор. Это срочно.

— Ты с ума сошёл? — спросил Мироныч, но в его голосе не было удивления — только усталость. — Где я тебе это достану?

— Ты знаешь где, — ответил Воронов. — У тебя есть связи на заводе. Пожалуйста.

Молчание. Потом Мироныч вздохнул.

— Хорошо. Но это будет стоить дорого. И я не хочу знать, зачем тебе это.

— Спасибо, — сказал Воронов. — Я твой должник.

Он положил трубку и вернулся в лабораторию. Ирина уже начала готовить липидные плёнки — она работала с тонкой стеклянной палочкой, нанося раствор на стенки колбы, и её движения были точными и уверенными.

— Мироныч достанет материалы, — сказал Воронов. — Завтра.

— Хорошо, — ответила Ирина, не отрываясь от работы. — Тогда я начну завтра утром.

Воронов кивнул и вышел из лаборатории. Ему нужно было домой — он обещал Гале вернуться пораньше. Но по дороге он зашёл в телефонную будку и позвонил Зельдовичу.

— Профессор, это Воронов. Испытания на культурах прошли успешно. Препарат работает.

Молчание. Потом Зельдович сказал:

— Это хорошая новость. Но не расслабляйтесь. Испытания на клетках — это одно, а на живом организме — совсем другое. Вы понимаете, что мы идём на огромный риск?

— Понимаю, — ответил Воронов. — Но другого выхода нет.

— Хорошо, — сказал Зельдович. — Я подготовлю всё необходимое. Но я хочу присутствовать на первой инъекции. И я хочу, чтобы вы понимали: если что-то пойдёт не так, это будет на вашей совести.

— Я готов, — ответил Воронов.

Он положил трубку и вышел из будки. Снег продолжал падать, и улицы Москвы были пустынные. Он шёл домой, не чувствуя холода, погружённый в свои мысли. Он думал о том, что через три дня он, возможно, спасёт жизнь человеку, который изменил историю. Или, возможно, убьёт его.

Он подошёл к дому и поднялся по лестнице. Галя ждала его, как всегда. Она сидела на кухне, обхватив кружку с чаем, и её лицо было бледным.

— Ты опять поздно, — сказала она, вставая.

— Прости, — ответил он. — Были дела.

— Какие дела? — спросила она, и в её голосе была не только тревога, но и усталость — та особенная усталость, которая накапливается, когда человек ждёт слишком долго.

— Королев, — сказал он. — Мы почти готовы начать лечение.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом подошла к окну и долго молчала, глядя на падающий снег. Её плечи были напряжены, и он видел, как её пальцы сжимают край подоконника.

— Лёша, — сказала она наконец, не оборачиваясь. — Я не могу так больше.

Он подошёл к ней, но не коснулся. Он чувствовал, что она не хочет, чтобы её трогали.

— Я не могу ждать тебя каждый вечер, не зная, вернёшься ли ты, — продолжала она, и её голос дрожал. — Я не могу жить в постоянном страхе. Я люблю тебя, но я не знаю, сколько ещё выдержу. Ты уходишь утром и не говоришь, куда. Ты возвращаешься ночью и не говоришь, где был. Ты рискуешь своей жизнью ради других людей, а я остаюсь здесь одна, с мыслями о том, что тебя могут убить.

Он молчал. Он знал, что она права. Он слишком часто оставлял её одну, слишком часто рисковал, слишком часто ставил работу выше их жизни.

— Что ты предлагаешь? — спросил он, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Я не знаю, — ответила она, поворачиваясь к нему. В её глазах блеснули слёзы, но она не плакала. — Может быть, нам нужно пожить отдельно? Пока ты не закончишь с этим делом. Пока всё не успокоится.

Он хотел возразить, хотел сказать, что не может без неё, что она — его якорь. Но слова застряли в горле. Потому что он знал, что она права. Он не мог дать ей то, что она хотела — спокойную жизнь, уверенность в завтрашнем дне. И он не мог просить её ждать, пока он рискует своей жизнью ради других.

— Хорошо, — сказал он наконец, и его голос был тихим. — Если ты так хочешь.

Она посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы. Но она не заплакала. Она просто кивнула и отошла к окну.

— Я соберу вещи завтра, — сказала она. — Я поживу у тётки в Подмоскovie. Пока всё не закончится.

Он стоял посреди кухни, глядя на её спину, и чувствовал, как мир рушится вокруг него. Он хотел подойти, обнять её, сказать, что всё будет хорошо. Но он знал, что это будет ложью. Он не знал, будет ли всё хорошо. Он не знал, выживет ли он сам.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она, не оборачиваясь. — Я тоже.

Он вышел из кухни и закрыл за собой дверь. В комнате было темно, и он сел на кровать, глядя в потолок. Он думал о том, что завтра начнётся новая битва — за жизнь Королева, за будущее страны. Но сейчас он чувствовал только пустоту. Он потерял что-то важное, что-то, что не мог вернуть. Он думал о том, что, возможно, его миссия стоит ему больше, чем он готов был отдать.

Глава 4. Палата 412

Москва, 20 января 1964 года.

Три дня пролетели как один миг. Ирина закончила работу над липосомальной формой препарата — ей удалось создать стабильные везикулы с помощью ультразвукового дезинтегратора, который Мироныч достал через своих знакомых на заводе. Получилась мутноватая суспензия, в которой микроскопические липидные пузырьки несли в себе молекулы фторурацила, защищённые от быстрого разложения в крови. Сергей проверил концентрацию и подтвердил, что препарат готов. Алексей договорился с Кремлёвской больницей о том, что экспериментальное лечение будет проведено в палате Королева, под наблюдением профессора Зельдовича и лечащего врача.

Воронов почти не спал эти три дня. Он разрывался между лабораторией, институтом и телефонными звонками — Косыгин, Зельдович, врачи, Мироныч. Он подписывал бумаги, давал объяснения, убеждал, настаивал. Он чувствовал, как усталость накапливается в теле, как тяжелеют веки и ноют мышцы, но не мог позволить себе остановиться. Слишком многое было поставлено на карту.

Галя уехала на следующий день после их разговора. Она собрала небольшую сумку, поцеловала его в щёку — холодно, как чужого, — и вышла за дверь. Он стоял в коридоре и смотрел, как она спускается по лестнице, как её фигура становится всё меньше и меньше, пока не исчезает за поворотом. Он не остановил её. Он знал, что не имеет права.

Квартира опустела. Он возвращался туда поздно ночью, ложился на кровать, не раздеваясь, и смотрел в потолок, прислушиваясь к тишине. Раньше эта тишина была наполнена её присутствием — шорохом страниц, звоном чашки, тихим дыханием. Теперь она была пустой, как выведенное яйцо. Он думал о том, что, возможно, потерял её навсегда. И эта мысль жгла сильнее, чем все опасности, которые ему угрожали.

Двадцатое января выдалось морозным. Москва застыла в ледяном оцепенении, и даже трамваи, казалось, двигались медленнее обычного. Воронов приехал в Кремлёвскую больницу к десяти утра, держа в руке металлический кейс с ампулами препарата. Кейс был холодным, и он чувствовал, как металл обжигает пальцы через перчатку. Рядом с ним шла Екатерина — она настояла на том, чтобы поехать с ним.

— Ты не должен быть один, — сказала она, когда он попытался возразить. — Если что-то пойдёт не так, тебе понадобится свидетель.

Он не стал спорить. В глубине души он был благодарен ей за это. Её присутствие давало ему ощущение опоры, хотя он и не признавался в этом даже самому себе.

В больнице их встретил профессор Зельдович. Он был в белом халате, с очками на носу, и его лицо было серьёзным, даже мрачным. Он провёл их по длинному коридору в отдельное крыло, где располагались палаты для высокопоставленных пациентов. Здесь было тихо, пахло хлоркой и лекарствами, и медсёстры ходили на цыпочках, стараясь не шуметь.

— Я собрал консилиум, — сказал Зельдович, когда они остановились у двери палаты. — Три профессора, все — авторитеты в онкологии. Я объяснил им ситуацию. Они согласились наблюдать, но не гарантируют поддержки, если что-то пойдёт не так.

— Я понимаю, — ответил Воронов. — Спасибо, что согласились помочь.

— Не благодарите меня, — отрезал Зельдович. — Я делаю это не ради вас. Я делаю это ради Королева. Он — национальное достояние. Если есть хоть малейший шанс его спасти, я готов рискнуть.

Он открыл дверь, и Воронов вошёл в палату.

Палата была большой и светлой, с высокими потолками и окном, выходившим на больничный сад. За окном виднелись заснеженные деревья и пустые скамейки. Королев лежал на

кровати, приподнятой у изголовья. Он выглядел истощённым — щёки впали, кожа стала серой, а глаза, когда-то горевшие огнём, теперь были тусклыми и усталыми. Но когда он увидел Воронова, в них мелькнула искра — слабая, но живая.

— Воронов, — сказал он, и его голос был хриплым, слабым. — Ты пришёл.

— Пришёл, Сергей Павлович, — ответил Воронов, подходя к кровати. — Я обещал.

Королев слабо улыбнулся.

— Ты всегда держишь слово. Это редкое качество.

Воронов сел на стул рядом с кроватью. Он чувствовал, как внутри всё сжимается — от боли, от сострадания, от страха. Он видел, как болезнь съела этого человека, как она украла его силу, его энергию, его жизнь. И он знал, что должен сделать всё, чтобы остановить это.

— Сергей Павлович, — сказал он, стараясь говорить спокойно, — мы разработали экспериментальный препарат. Он может помочь. Но я должен предупредить: это риск. Мы не знаем, как организм отреагирует.

Королев посмотрел на него долгим взглядом. Потом медленно поднял руку — худую, с выступающими венами — и положил её на руку Воронова.

— Я всю жизнь рисковал, — сказал он тихо. — Каждый запуск ракеты — это риск. Каждое испытание — это риск. Я не боюсь риска. Я боюсь только одного: что моя работа останется незавершённой. Что кто-то другой придёт и всё разрушит.

— Этого не будет, — сказал Воронов, и его голос дрогнул. — Я обещаю.

Королев кивнул и закрыл глаза. Воронов понял, что он устал — разговор отнял у него последние силы.

Он встал и подошёл к Зельдовичу, который ждал у двери.

— Мы готовы, — сказал он.

Зельдович кивнул и сделал знак медсестре. Та внесла стерильный лоток с инструментами и шприцем. Воронов открыл кейс, достал ампулу с препаратом — прозрачную жидкость с лёгким желтоватым оттенком — и передал её медсестре. Та набрала препарат в шприц и подошла к кровати.

— Сергей Павлович, — сказала она мягко, — сейчас будет укол. Постарайтесь расслабиться.

Королев открыл глаза и кивнул. Медсестра обработала спиртом место инъекции — вену на сгибе локтя — и медленно ввела препарат. Воронов смотрел, как жидкость уходит в вену, и чувствовал, как его сердце колотится где-то в горле. Это было начало. Или конец.

Первые минуты ничего не происходило. Королев лежал с закрытыми глазами, и его дыхание было ровным. Зельдович следил за показателями — пульсом, давлением, температурой. Профессора, стоявшие в углу, перешёптывались. Один из них, седой мужчина с острым носом, подошёл к Зельдовичу и сказал тихо, но так, что Воронов услышал:

— Это может быть опасно. Мы не знаем, как препарат поведёт себя в организме. Если начнётся анафилактический шок...

— Мы готовы, — ответил Зельдович. — У нас есть всё необходимое.

Через полчаса Королев открыл глаза. Он выглядел чуть бодрее, и его голос, когда он заговорил, был чуть громче.

— Странное ощущение, — сказал он. — Как будто внутри что-то горит.

— Это нормально, — быстро сказал Зельдович. — Препарат действует на клетки. Может быть жжение, тошнота, слабость. Если станет хуже, скажите.

Королев кивнул и снова закрыл глаза. Но через несколько минут он вдруг побледнел, и его лицо исказила гримаса боли. Он схватился за живот, и его дыхание стало частым, прерывистым.

— Мне плохо, — прошептал он. — Очень плохо.

Воронов почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он смотрел на Королеву, который корчился от боли, и не знал, что делать. Он не был врачом. Он не мог помочь. Он мог только стоять и смотреть, как человек, которого он пытался спасти, страдает от его же препарата.

Зельдович бросился к Королеву, проверяя пульс. Профессора зашептались громче, и один из них сказал:

— Это побочный эффект. Мы предупреждали.

— Замолчите, — резко бросил Зельдович. — Дайте мне работать.

Он сделал укол обезболивающего, и через несколько минут Королев расслабился, его дыхание выровнялось. Он открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Прости, — сказал он. — Я, кажется, напугал вас.

— Всё в порядке, — ответил Зельдович. — Это ожидаемая реакция. Организм борется с препаратом. Если всё пойдёт хорошо, следующие инъекции будут легче.

Воронов выдохнул, чувствуя, как напряжение отпускает. Он подошёл к кровати и взял Королеву за руку.

— Сергей Павлович, — сказал он. — Вы держитесь. Всё будет хорошо.

Королев кивнул и закрыл глаза. Он выглядел уставшим, но в его лице было что-то новое — слабая, но настоящая надежда.

К вечеру состояние Королевы стабилизировалось. Зельдович проверил анализы и объявил, что показатели улучшились — незначительно, но улучшились. Один из профессоров, тот самый седой мужчина с острым носом, подошёл к Зельдовичу и сказал:

— Я должен признать, что ошибался. Препарат работает. Пока рано говорить об окончательном успехе, но это... это прорыв.

Зельдович кивнул, но ничего не сказал. Он смотрел на Воронова, и в его глазах было что-то новое — уважение.

— Первый этап прошёл успешно, — сказал он Воронову, когда они вышли из палаты. — Но это только начало. Нам нужно провести ещё несколько инъекций, чтобы понять, как организм реагирует на препарат. И мы должны следить за побочными эффектами.

— Сколько времени это займёт? — спросил Воронов.

— Неделю, может быть, две. Всё зависит от того, как пойдёт дело.

Воронов кивнул. Он чувствовал, как усталость наваливается на него — тяжёлая, как мокрая шерсть. Но он также чувствовал, как в груди разливается тепло — слабое, но живое. Надежда.

Он вышел из больницы на улицу. Морозный воздух ударил в лицо, и он глубоко вдохнул, чувствуя, как холод прочищает голову. Екатерина ждала его у входа.

— Ну что? — спросила она.

— Пока всё хорошо, — ответил он. — Но это только начало.

Она кивнула и взяла его под руку.

— Пойдём. Тебе нужно поесть и поспать. Ты выглядишь как призрак.

Он не стал спорить. Они пошли к трамвайной остановке, и снег скрипел под их ногами. Воронов думал о Королеве, о его слабой улыбке, о его словах: «Я не боюсь риска». Он думал о том, что этот человек заслуживает шанса. И он сделает всё, чтобы этот шанс реализовался.

Они доехали до института, и Екатерина проводила его до кабинета. Там она заварила чай, достала из сумки бутерброды и поставила перед ним.

— Ешь, — сказала она. — И не спорь.

Он ел молча, глядя в стену. Мысли путались, и он не мог сосредоточиться. Он думал о Гале — где она сейчас? Что делает? Думает ли о нём? Он хотел позвонить ей, но не знал, что сказать. Он не мог обещать, что всё будет хорошо. Он не мог обещать, что вернётся к ней живым.

Он подошёл к телефону и набрал номер. Гудки тянулись долго. Наконец на другом конце ответили.

— Аллю?

Это был её голос. Тихий, усталый. Он почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Галя, это я, — сказал он.

Молчание. Потом она сказала:

— Я знаю.

Он не знал, что говорить дальше. Слова застряли в горле. Он хотел сказать, что любит её, что скучает, что всё будет хорошо. Но он не мог лгать.

— Я просто хотел услышать твой голос, — сказал он наконец.

Она помолчала. Потом сказала тихо:

— Я тоже скучаю. Но я не вернусь, пока ты не закончишь с этим. Я не могу жить в страхе. Я не могу ждать тебя каждую ночь, не зная, вернёшься ли ты.

— Я понимаю, — ответил он.

— Береги себя, Лёша.

— Ты тоже.

Он положил трубку и сел на стул. Екатерина смотрела на него с сочувствием.

— Она не вернётся? — спросила она.

— Не сейчас, — ответил он. — Но, может быть, потом.

Он посмотрел на телефон и почувствовал, как внутри разливается пустота. Но он также знал, что должен идти вперёд. Ради Королевы. Ради Гали. Ради будущего.

Глава 5. Побочный эффект

Москва, 27 января 1964 года.

Неделя прошла в тумане. Воронов почти не выходил из больницы — он ночевал в кресле в коридоре у палаты Королева, просыпался от каждого шороха, от каждого скрипа двери, от каждого шага медсестры. Он ел что-то, что приносила Екатерина, пил крепкий чай из термоса, отвечал на телефонные звонки — Косыгин, Зельдович, институт, Мироныч — и снова возвращался к креслу, глядя на дверь палаты.

Королев поправлялся. Медленно, с трудом, но поправлялся. После третьей инъекции боль почти ушла, и он даже смог сесть в постели. После пятой — встал и сделал несколько шагов по палате, опираясь на руку медсестры. Зельдович был осторожен в прогнозах, но в его голосе появилась та особая уверенность, которая бывает у врача, когда он видит, что лечение работает.

— Опухоль уменьшается, — сказал он Воронову на седьмой день. — Медленно, но уменьшается. Это не чудо — это наука. Ваш препарат работает.

Воронов кивнул. Он не чувствовал радости — только усталость, глубокую и всеобъемлющую, как океан. Он слишком долго жил на пределе, и теперь, когда напряжение начало спадать, тело отказывалось служить.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Зельдович, заметив его состояние. — Вы выглядите хуже, чем мой пациент.

— Я отдохну, — ответил Воронов. — Когда всё закончится.

— Это может никогда не закончиться, — сказал Зельдович, и в его голосе была не ирония, а понимание. — Такие люди, как вы, не умеют останавливаться. Но помните: если вы упадёте, вы не сможете помочь никому.

Воронов не ответил. Он знал, что Зельдович прав. Но он также знал, что не может позволить себе расслабиться. Слишком многое было поставлено на карту.

На следующий день пришла беда.

Она пришла в лице человека, которого Воронов видел впервые. Это был высокий, сухой мужчина с острым подбородком и холодными, как лёд, глазами. Он представился как Николай Петрович Строев, заместитель министра здравоохранения. Он вошёл в палату без стука, осмотрелся с видом ревизора, проверяющего запущенный склад, и остановил взгляд на Королеве.

— Товарищ Королев, — сказал он, и его голос был лишён всякой теплоты. — Я слышал, вы проводите экспериментальное лечение. Это правда?

Королев, сидевший на кровати, поднял на него усталые глаза.

— Правда, — ответил он. — И, как видите, оно работает.

— Работает? — Строев усмехнулся. — Или создаёт видимость работы? Мы получили информацию, что вы используете непроверенные препараты, которые не прошли клинические испытания. Это нарушение инструкций Министерства здравоохранения. Это может быть расценено как преступная халатность.

Воронов, стоявший в углу палаты, почувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Он шагнул вперёд.

— Разрешение на испытания было получено от Академии медицинских наук, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Все документы в порядке.

Строев повернулся к нему, и его глаза сузились.

— А вы, собственно, кто?

— Воронов Алексей Иванович. Я руководил разработкой препарата.

— Воронов... — Строев помолчал, словно пробуя имя на вкус. — Я слышал о вас. Вы тот самый инженер, который вмешивается не в свои дела. Сначала композитные материалы, теперь медицина. Скажите, у вас есть медицинское образование?

— Нет, — честно ответил Воронов. — Но у меня есть знания, которых нет у других.

— Знания? — Строев усмехнулся. — Или шарлатанство? Я ознакомился с вашим препаратом. Фторурацил. Такого препарата нет ни в одном реестре. Ни в советском, ни в зарубежном. Откуда вы его взяли?

Воронов почувствовал, как холодный пот выступает на лбу. Он знал, что этот вопрос рано или поздно будет задан. Он знал, что не сможет ответить на него честно.

— Я синтезировал его на основе теоретических расчётов, — сказал он. — Используя принципы, известные из зарубежных научных публикаций.

— Из каких публикаций? — Строев шагнул ближе, и его голос стал тише, почти угрожающим. — Назовите журнал. Назовите автора. Назовите год.

Воронов молчал. Он не мог назвать ни журнала, ни автора, ни года — потому что эти публикации ещё не были написаны. Они появятся через пять, десять, пятнадцать лет. А может быть, не появятся вообще — в этой изменённой истории всё могло быть иначе.

— Я не помню точно, — сказал он наконец. — Я читал много литературы. Возможно, я что-то перепутал.

— Перепутал? — Строев покачал головой. — Вы перепутали формулу экспериментального препарата, который вы вводите живому человеку? Вы понимаете, что это может быть убийством?

— Прекратите, — раздался голос с кровати. Королев приподнялся, опираясь на подушку. Его лицо было бледным, но глаза горели тем самым огнём, который Воронов видел в них раньше. — Этот человек спас мне жизнь. Я не позволю вам его оскорблять.

Строев повернулся к нему.

— Сергей Павлович, я понимаю вашу благодарность. Но мы должны убедиться, что лечение безопасно. Мы должны провести проверку.

— Проводите, — сказал Королев. — Но не здесь. Не в моей палате. И не в присутствии человека, который рискует своей карьерой ради меня.

Строев поджал губы. Он явно не ожидал такого отпора.

— Хорошо, — сказал он. — Я доложу о ситуации в Министерство. Решение будет принято наверху.

Он развернулся и вышел, не попрощавшись. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком, и в палате повисла тишина.

Воронов посмотрел на Королеву. Тот лежал, закрыв глаза, и его дыхание было тяжёлым.

— Простите, Сергей Павлович, — сказал Воронов. — Я не хотел, чтобы вы оказались втянуты в это.

— Ты не втянул меня, — ответил Королев, не открывая глаз. — Я сам втянулся. Я знал, на что иду. И я не жалею.

Он помолчал, потом открыл глаза и посмотрел на Воронова.

— Но ты должен быть осторожен. Строев — не просто чиновник. Он связан с теми, кто хочет остановить лунную программу. Если он узнает, кто ты на самом деле...

Он не закончил фразу, но Воронов понял. Если Строев узнает, что он попаданец из будущего, его не просто уволят. Его уничтожат.

— Я знаю, — сказал Воронов. — Я буду осторожен.

Он вышел из палаты и прислонился к стене, чувствуя, как дрожат ноги. Он думал о том, что опасность пришла не оттуда, откуда он ожидал. Он готовился к атакам Кудрявцева, к проискам Шаповалова, к шпионам и диверсантам. Но он не ожидал, что враг придёт в белом халате, с документами и инструкциями, с холодным взглядом и уверенностью в своей правоте.

Он вернулся в институт поздно вечером. Екатерина ждала его в кабинете — она сидела за столом, разбирая бумаги, и её лицо было усталым.

— Что случилось? — спросила она, увидев его.

Он рассказал ей о Строеве. Она слушала молча, и её лицо становилось всё более мрачным.

— Это плохо, — сказала она, когда он закончил. — Строев — правая рука министра. Он может создать нам проблемы. Настоящие проблемы.

— Я знаю, — ответил Воронов. — Но у нас есть союзники. Косыгин, Зельдович, Королев. Они не дадут нас в обиду.

— А если Строев пойдёт на всё? — спросила Екатерина. — Если он решит уничтожить тебя, не считаясь с последствиями?

Воронов посмотрел на неё и увидел в её глазах страх — не за себя, за него.

— Тогда мы будем бороться, — сказал он. — Как всегда.

Он сел за стол и взял ручку. Ему нужно было написать объяснительную — подробный отчёт о препарате, о его происхождении, о механизме действия. Он знал, что это будет ложь — он не мог сказать правду. Но он также знал, что должен быть убедительным.

Он писал до глубокой ночи. Когда он закончил, за окном было темно, и только уличные фонари отбрасывали жёлтые пятна на снег. Он отложил ручку и потёр глаза. Усталость навалилась на него, как снежный ком, и он понял, что больше не может.

Он лёг на кушетку в углу кабинета и закрыл глаза. Сон пришёл быстро — тяжёлый, без сновидений.

Утром его разбудил телефонный звонок. Он поднял трубку, и голос на другом конце сказал:

— Воронов? Это Зельдович. Строев подал докладную в Министерство. Он требует приостановить лечение и провести проверку. Решение будет принято сегодня.

Воронов сел на кушетке, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Что мы можем сделать?

— Я уже связался с Косыгиным. Он обещал вмешаться. Но это не гарантия. Строев действует не один — за ним стоят люди, которые хотят остановить не только твоё лечение, но и всю программу.

— Я понимаю, — сказал Воронов. — Что мне делать?

— Приезжай в больницу. Немедленно. Мы должны быть вместе, когда придёт решение.

Воронов положил трубку и быстро оделся. Он вышел из института и поймал такси. По дороге в больницу он смотрел в окно на заснеженные улицы и думал о том, что его жизнь превратилась в бесконечную череду битв. Он сражался с бюрократами, шпионами, саботажниками, и вот теперь — с врачом, который считал его шарлатаном.

Он приехал в больницу, и Зельдович встретил его у входа.

— Косыгин вмешался, — сказал он. — Строев отозвал докладную. Пока.

— Пока? — переспросил Воронов.

— Пока. Он не сдастся. Он будет ждать своего часа. Но у нас есть время. Косыгин дал нам две недели. За это время мы должны закончить лечение и предоставить полный отчёт.

Воронов кивнул. Он знал, что это только отсрочка. Но сейчас у него было время. И он собирался использовать его с умом.

Он вошёл в палату Королева. Тот сидел на кровати, читая газету. Увидев Воронова, он отложил её и улыбнулся — слабо, но искренне.

— Ты справился, — сказал он.

— Пока да, — ответил Воронов. — Но это только начало.

— Это всегда только начало, — сказал Королев. — Но ты должен помнить: у тебя есть я. И пока я жив, ты не один.

Воронов посмотрел на него и почувствовал, как внутри разливается тепло. Он не был один. У него были союзники. У него была цель. И он не собирался сдаваться.

Вечером он собрал команду в институте. Екатерина, Сергей, Ирина, Алексей — все они сидели в конференц-зале, и их лица были серьёзными.

— Строев — это угроза, — сказал Воронов. — Он не остановится. Он будет искать способы остановить нас. Мы должны быть готовы.

— Что мы можем сделать? — спросил Сергей.

— Мы должны закончить лечение Королева и предоставить полный отчёт. Если мы докажем, что препарат работает, Строев не сможет ничего сделать.

— А если он найдёт другой способ? — спросила Ирина.

— Тогда мы будем бороться, — ответил Воронов. — Но сначала — закончить работу.

Он посмотрел на своих людей и увидел в их глазах решимость. Они были готовы. И это давало ему силы.

Поздно вечером он позвонил Гале. Гудки тянулись долго, и он уже начал думать, что она не ответит, когда в трубке раздался её голос.

— Алло?

— Это я, — сказал он. — Я хотел сказать... я скучаю.

Молчание. Потом она сказала тихо:

— Я тоже.

— Я не могу приехать, — сказал он. — Пока не могу. Но я хотел услышать твой голос.

— Я понимаю, — ответила она. — Я слушаю новости. Я знаю, что происходит. Я горжусь тобой, Лёша. Но я всё ещё боюсь.

— Я знаю, — сказал он. — Я тоже боюсь. Но я должен закончить это.

— Закончи, — сказала она. — И возвращайся ко мне.

— Я вернусь, — ответил он. — Обещаю.

Он положил трубку и посмотрел в окно. Снег продолжал падать, и Москва утопала в белой тишине. Но в его сердце было тепло. Он знал, что не один.

Он сел за стол и раскрыл папку с документами. Завтра будет новый день. Будут новые битвы. Но сегодня он сделал всё, что мог.

За окном светало. Москва просыпалась.

Глава 6. Круги по воде

Москва, 3 февраля 1964 года.

Королев выписался из больницы через десять дней. Это была не официальная выписка — Зельдович настоял на том, чтобы он остался под наблюдением ещё хотя бы неделю, — но Королев был непреклонен. Он устал от больничных стен, от запаха хлорки, от бесконечных капельниц. Он хотел вернуться к работе, к чертежам, к своим ракетам.

— Я не могу больше лежать, — сказал он Воронову, когда тот пришёл навестить его в последний день. — Каждый час здесь — это час, потерянный для программы. Американцы не ждут, пока я поправлюсь.

— Вы должны отдохнуть, Сергей Павлович, — возразил Воронов. — Врачи говорят...

— Врачи говорят многое, — перебил Королев, и в его голосе впервые за долгое время появилась прежняя твёрдость. — Но я знаю свой организм лучше, чем они. Я чувствую себя лучше, чем за последние два года. И я не собираюсь тратить это время на больничную койку. Я буду работать из дома. Но я буду работать.

Зельдович, стоявший у окна, вздохнул.

— Я не могу вас удерживать силой, Сергей Павлович. Но я требую, чтобы вы приезжали на осмотр каждые три дня. И чтобы вы не переутомлялись. Это не просьба — это условие.

Королев кивнул.

— Договорились.

Он оделся — медленно, с трудом, но без посторонней помощи, — и вышел из палаты. Воронов шёл рядом, готовый подхватить его, если тот пошатнётся. Но Королев шёл твёрдо, хотя и медленно, и в его глазах горел тот самый огонь, который Воронов видел в нём при первой встрече.

У выхода их ждала машина — чёрная «Волга» с шофёром из КБ. Королев сел на заднее сиденье и жестом пригласил Воронова сесть рядом.

— Поехали, — сказал он.

Машина тронулась. За окном проплывали заснеженные улицы Москвы, и Воронов смотрел на них, чувствуя, как внутри разливается странное спокойствие. Он сделал это. Он спас Королеву. Он изменил историю.

Но он также знал, что это только начало. Строев не исчез. Угроза не миновала. И где-то там, в тени, враги ждали своего часа.

Королев молчал, глядя в окно. Потом повернулся к Воронову.

— Ты спас мне жизнь, — сказал он тихо. — Я не забуду этого.

— Вы бы сделали то же самое для меня, — ответил Воронов.

— Да, — сказал Королев. — Но это не отменяет долга. Я обязан тебе. И я хочу знать, чем я могу помочь.

Воронов задумался. Он не хотел просить о помощи — он знал, что Королев и так дал ему многое. Но он также знал, что не может справиться в одиночку.

— Строев, — сказал он наконец. — Он опасен. Он связан с людьми, которые хотят остановить программу. Я не знаю, насколько глубоко он замешан, но я чувствую, что он готовит что-то серьёзное.

Королев нахмурился.

— Строев... Я знаю его. Он был в Министерстве здравоохранения много лет. Он не просто чиновник — он из тех, кто всегда знает, куда дует ветер. Если он выступил против тебя, значит, у него есть поддержка наверху.

— Кто за ним стоит? — спросил Воронов.

— Я не знаю точно. Но я могу узнать. У меня есть связи в ЦК, которые помогут мне выяснить.

Воронов кивнул.

— Спасибо.

— Не благодари, — сказал Королев. — Я делаю это не только ради тебя. Я делаю это ради программы. Если Строев остановит тебя, он остановит и нас.

Машина остановилась у здания КБ. Королев вышел, опираясь на руку шофёра, и направился к входу. Воронов остался в машине, глядя ему вслед. Он думал о том, что теперь у него есть не только союзники, но и долг. Он должен был использовать этот шанс с умом.

Он вернулся в институт и сразу же вызвал Мироныча. Тот пришёл через час — усталый, в старом пальто, с папиросой в зубах. Он сел за стол, не снимая пальто, и посмотрел на Воронова с тревогой.

— Что случилось? — спросил он.

— Строев, — ответил Воронов. — Я должен узнать о нём всё. Кто он, откуда, с кем связан. Это вопрос жизни и смерти.

Мироныч долго молчал, поглаживая седую бороду. Потом сказал:

— Я знаю одного человека. Бывший сотрудник МГБ, который работал со Строевым в пятидесятых. Его зовут Пётр Ильич Верецагин. Он живёт в Подмоскowie, в городке под названием Загорск. Но найти его будет непросто — он сменил адрес три года назад и не оставил следов.

— Ты можешь его найти? — спросил Воронов.

— Попробую, — ответил Мироныч. — Но это займёт время. У меня есть связи в архивах, но они не всемогущи. Дай мне два дня.

— Хорошо, — сказал Воронов. — Два дня.

Мироныч ушёл, оставив Воронова одного. Воронов сел за стол и посмотрел на телефон. Он думал о Гале. Он хотел позвонить ей, но не знал, что сказать. Он не мог обещать, что всё будет хорошо. Он не мог обещать, что вернётся к ней живым.

Но он также знал, что должен попытаться. Он набрал номер и ждал. Гудки тянулись долго. Наконец на другом конце ответили.

— Алло?

Это был её голос. Тихий, усталый.

— Галя, это я, — сказал он. — Я хотел... я хотел сказать, что скучаю. И что я люблю тебя. Молчание. Потом она сказала тихо:

— Я тоже тебя люблю. Но я всё ещё боюсь.

— Я знаю, — ответил он. — Я тоже боюсь. Но я хочу, чтобы ты знала: я делаю это не только для себя. Я делаю это для нас. Для будущего.

— Для будущего? — переспросила она. — Какого будущего, Лёша? Ты живёшь в постоянном страхе, ты рискуешь жизнью каждый день. Какое будущее ты строишь?

Он задумался. Он не мог сказать ей правду. Он не мог сказать, что он из будущего, что он знает, что произойдёт, что он пытается изменить историю. Она бы не поверила. Она бы решила, что он сошёл с ума.

— Я строю будущее, в котором не будет страха, — сказал он наконец. — В котором люди не будут бояться завтрашнего дня. Я знаю, это звучит наивно. Но это правда.

Она помолчала. Потом сказала:

— Ты всегда был идеалистом. Даже когда мы встретились, ты говорил о вещах, которых не понимал никто вокруг. Я не понимала тебя тогда. Не понимаю и сейчас. Но я люблю тебя. И я верю тебе.

Он почувствовал, как внутри разливается тепло.

— Спасибо, — сказал он. — Это всё, что мне нужно.

— Я приеду, — сказала она вдруг. — Завтра. Я хочу тебя увидеть.

Он замер.

— Ты уверена?

— Да. Я не могу больше ждать. Я хочу быть с тобой. Даже если это опасно. Даже если я буду бояться. Я хочу быть рядом.

— Хорошо, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я буду ждать.

Он положил трубку и посмотрел в окно. Снег продолжал падать, и Москва утопала в белой тишине. Но в его сердце было тепло. Она возвращалась. И это было важнее всего остального.

На следующий день он встретил её на вокзале. Она вышла из вагона — усталая, с небольшим чемоданом, в сером пальто и тёплом платке. Увидев его, она улыбнулась — слабо, но искренне, — и бросилась к нему.

Он обнял её, чувствуя, как её тело дрожит. Она плакала — тихо, беззвучно, — и он гладил её по спине, шептал что-то успокаивающее, хотя сам не знал, что говорит.

— Я так боялась, — прошептала она. — Я так боялась, что ты не придёшь.

— Я всегда приду, — ответил он. — Всегда.

Они вышли из вокзала и пошли по улице, держась за руки. Снег хрустел под их ногами, и морозный воздух обжигал щёки. Но им было тепло. Они были вместе.

— Что теперь? — спросила Галя, когда они дошли до его квартиры.

— Теперь мы будем жить, — сказал он. — Не ждать, не бояться, а жить.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты обещаешь?

— Обещаю, — сказал он.

Он знал, что это ложь. Он знал, что опасность не миновала, что Строев всё ещё на свободе, что враги ждут своего часа. Но он также знал, что не может жить в постоянном страхе. Он должен бороться. И он будет бороться. Ради неё. Ради будущего.

Они вошли в квартиру, и Галя сразу же начала хлопотать на кухне — ставить чайник, доставать чашки, нарезать хлеб. Воронов смотрел на неё и чувствовал, как напряжение уходит. Он снова был дома.

Вечером, когда они сидели за столом, Галя вдруг сказала:

— Я слышала, что Королёв поправляется. Это ты сделал?

Он кивнул.

— Да. Мы разработали препарат. Он работает.

— Ты гений, — сказала она, и в её глазах было восхищение.

— Нет, — ответил он. — Я просто человек, который знает то, чего не должен знать.

Она посмотрела на него странным взглядом, но не стала допытываться. Она привыкла к его странностям. Она просто взяла его за руку и сжала её.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — Что бы ни случилось, я горжусь.

Он посмотрел на неё и понял, что это — самое важное. Не признание Косыгина, не победа над врагами, не спасение Королевы. А вот это — тихое, тёплое, настоящее. Она была рядом.

Через два дня вернулся Мироныч. Он выглядел уставшим, но в его глазах было что-то новое — решимость.

— Я нашёл его, — сказал он, садясь за стол. — Верецагина. Он живёт в Загорске. Он согласился встретиться.

— Когда? — спросил Воронов.

— Завтра. Я отвезу тебя.

Воронов кивнул. Он чувствовал, как внутри закипает холодная решимость. Он узнает правду о Строеве. И тогда он нанесёт удар.

Но в этот момент в дверь постучали. Воронов насторожился — он не ждал гостей. Он подошёл к двери и открыл. На пороге стоял Сергей, его лицо было бледным.

— Воронов, — сказал он, и его голос дрожал. — Проблема. В институте кто-то начал распространять слухи о тебе. Говорят, что ты шарлатан, что твой препарат опасен, что ты используешь запрещённые методы. Я слышал, как об этом говорили в курилке.

Воронов почувствовал, как внутри всё холодеет. Это был Строев. Он начал действовать.

— Кто говорит? — спросил он.

— Не знаю. Но слухи распространяются быстро. Завтра об этом будет знать весь институт.

Воронов кивнул. Он знал, что это только начало. Строев не остановится. Он будет действовать через слухи, через бюрократию, через людей. И Воронов должен быть готов.

Он вернулся в комнату и посмотрел на Галю. Она смотрела на него с тревогой.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Просто работа.

Он знал, что это ложь. Но он также знал, что не может рассказать ей правду. Не сейчас. Не когда опасность так близко.

Он сел за стол и посмотрел на телефон. Завтра он поедет к Верещагину. И тогда он узнает правду. И тогда он нанесёт удар.

Глава 7. Свидетель

Загорск, 6 февраля 1964 года.

Дорога до Загорска заняла два часа. Воронов и Мироныч ехали в старой «Победе», которую Мироныч одолжил у знакомого, — машина тарахтела, подпрыгивала на ухабах, и в ней пахло бензином и старым дерматином. За окном проплывали заснеженные поля, редкие деревеньки, тёмные полосы леса. Небо было серым, низким, и казалось, что оно давит на землю всей своей тяжестью.

Воронов молчал. Он думал о Верещагине — бывшем сотруднике МГБ, который работал со Строевым в пятидесятых. Он не знал, что этот человек расскажет. Может быть, ничего. Может быть, всё. Но он должен был попытаться.

— Он осторожен, — сказал Мироныч, не отрывая глаз от дороги. — Очень осторожен. Он согласился встретиться только потому, что я сказал, что речь идёт о Строеве. Он ненавидит его.

— Почему? — спросил Воронов.

— Не знаю. Он не сказал. Но когда я упомянул это имя, его голос изменился. Он стал... жёстче.

Мироныч помолчал, потом добавил:

— Будь с ним помягче. Он старый человек, он боится. Но он знает много. Если он заговорит, он расскажет всё.

Воронов кивнул. Он понимал. Он сам был таким же — осторожным, недоверчивым, привыкшим прятать правду за ложью.

Загорск оказался маленьким городком с узкими улочками, старыми деревянными домами и церквями, которые виднелись за заборами. Мироныч остановил машину у невзрачного двухэтажного дома на окраине. Они вышли, и холодный ветер ударил в лицо.

— Он живёт на втором этаже, — сказал Мироныч. — Квартира номер четыре.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Мироныч постучал — три коротких, два длинных. Условный сигнал. За дверью послышались шаги, потом щёлкнул замок, и дверь приоткрылась на цепочку.

— Кто? — раздался хриплый голос.

— Это я, Мироныч. С Вороновым.

Цепочка звякнула, дверь открылась. На пороге стоял старик — худой, сгорбленный, с седыми волосами и глубоко посаженными глазами. Он был в старом свитере с дырами на локтях и войлочных тапочках. Его лицо было покрыто сетью морщин, но глаза — тёмные, внимательные — смотрели остро, как у человека, который привык всё замечать.

— Заходите, — сказал он, отступая. — Быстро.

Они вошли в маленькую комнату, заставленную старой мебелью. На столе горела керосиновая лампа — электричества, видимо, не было. Пахло сыростью, табаком и чем-то ещё — горьким, как полынь. В углу висела икона, перед ней теплилась лампадка.

— Садитесь, — сказал Верещагин, указывая на стулья. — Чай не предлагаю — нет.

Он сел напротив, сжимая в руках старую трубку. Его пальцы дрожали — то ли от холода, то ли от волнения.

— Мироныч сказал, что вы хотите знать о Строеве, — начал он, глядя на Воронова. — Зачем?

— Он угрожает мне, — ответил Воронов. — И людям, которые мне дороги. Я хочу знать, с кем я имею дело.

Верещагин долго молчал, глядя в стену. Потом сказал:

— Строев — не просто чиновник. Он — человек, который всегда был тенью. Он не любит высовываться, не любит быть на виду. Но он всегда рядом с теми, кто принимает решения. В пятидесятых он работал в МГБ, в отделе, который занимался... особыми поручениями. Он был не исполнителем — он был организатором. Он находил людей, которые могли сделать грязную работу, и убеждал их, что это необходимо для страны.

— Какие поручения? — спросил Воронов.

Верещагин помолчал. Потом поднял на него глаза, и в них была боль — старая, застарелая, как рана, которая никогда не заживёт.

— Убийства, — сказал он тихо. — Он организовывал убийства. Не своими руками — чужими. Но он всегда знал, кого нужно убрать, чтобы всё шло по плану. Он убирал неугодных, конкурентов, свидетелей. Он делал это тихо, аккуратно, без следов. И он никогда не испытывал сожалений.

Воронов почувствовал, как внутри всё холодеет. Он знал, что в этой системе были такие люди — серые кардиналы, которые действовали за кулисами. Но услышать это от свидетеля было страшно.

— Почему вы ушли? — спросил он.

Верещагин опустил глаза.

— Потому что однажды он приказал убрать человека, которого я знал. Хорошего человека. Невиновного. Я отказался. Он не простил мне этого. Он уничтожил мою карьеру, выгнал меня из органов, заставил уехать из Москвы. Я живу здесь уже десять лет. Я прячусь. Я боюсь.

Он замолчал, и в комнате повисла тишина. Воронов смотрел на этого старика — сломленного, уставшего, но не сдавшегося — и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Строев был не просто бюрократом. Он был убийцей. И он был опасен.

— Вы знаете, кто стоит за ним сейчас? — спросил Воронов.

— Не знаю точно, — ответил Верещагин. — Но я слышал, что он связан с людьми из ЦК. С теми, кто не хочет, чтобы космическая программа развивалась. Они боятся, что Королев станет слишком влиятельным. Они боятся, что он получит доступ к ресурсам, которые они хотят контролировать.

— Кто эти люди? — настойчиво спросил Воронов.

— Я не знаю имён, — сказал Верещагин. — Но я знаю одно: Строев никогда не действует в одиночку. У него всегда есть покровитель. И этот покровитель — очень высоко.

Воронов задумался. Он знал, что в ЦК были разные группировки, которые боролись за влияние. Одни поддерживали космическую программу, другие — военные проекты, третьи — тяжёлую промышленность. Строев, видимо, был связан с теми, кто хотел остановить Королева.

— Что мне делать? — спросил он.

Верещагин посмотрел на него долгим взглядом. Потом сказал:

— Ты должен найти доказательства. Строев неуязвим, пока у него есть покровители. Но если ты сможешь доказать, что он преступник, что он организовывал убийства, что он связан с врагами страны... тогда даже его покровители от него отвернутся.

— Где мне найти доказательства? — спросил Воронов.

Верещагин замялся. Он смотрел на Воронова, и в его глазах была борьба — между страхом и желанием помочь. Он сжимал трубку так, что костяшки пальцев побелели.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я давно ушёл из органов. Я не поддерживаю связей. Но... — он помолчал, — у меня есть кое-что. Я сохранил документы. Копии приказов, списки людей, которых он убрал. Я не мог их уничтожить — я знал, что однажды они пригодятся.

Он встал, подошёл к старому комоду, открыл нижний ящик и достал оттуда потемневшую от времени папку. Но прежде чем передать её Воронову, он замер.

— Вы должны понять, — сказал он тихо. — Если вы возьмёте это, вы возьмёте на себя ответственность. Вы должны будете довести дело до конца. Если вы отступите, он найдёт меня. Он найдёт мою семью. У меня есть дочь в Ленинграде, у неё двое детей. Если он узнает...

— Я понимаю, — сказал Воронов. — Я обещаю: если я возьму это, я доведу дело до конца. Он не тронет ни вас, ни вашу семью.

Верецагин долго смотрел на него. Потом протянул папку. Воронов взял её, чувствуя, как бумага шершавит пальцы. Внутри были пожелтевшие листы, исписанные мелким почерком, с печатями и подписями.

— Это не всё, — сказал Верецагин. — Но это начало. Если ты найдёшь остальное, ты сможешь его уничтожить.

— Спасибо, — сказал Воронов.

— Не благодари меня, — ответил старик. — Я делаю это не ради тебя. Я делаю это ради тех, кого он убил. Ради их памяти.

Он вернулся на своё место и снова взял трубку. Его руки всё ещё дрожали.

— А теперь уходите, — сказал он. — И не возвращайтесь. Если Строев узнает, что я с вами говорил, он найдёт меня даже здесь.

Воронов кивнул. Он встал, спрятал папку во внутренний карман и направился к двери. На пороге он обернулся.

— Спасибо, — сказал он ещё раз.

Верецагин не ответил. Он смотрел в стену, и его глаза были пустыми.

Они вышли на улицу. Ветер усилился, и снег снова начал падать. Мироныч молчал, глядя на дорогу. Воронов тоже молчал. Он думал о том, что узнал. Строев был убийцей. И он был опасен. Но теперь у Воронова было оружие — доказательства.

Они вернулись в Москву поздно вечером. Воронов сразу же поехал домой. Галя ждала его, и когда он вошёл, она бросилась к нему.

— Ты вернулся, — сказала она. — Я так волновалась.

— Я обещал, — ответил он, обнимая её.

Он не рассказал ей о Верецагине. Он не рассказал ей о том, что узнал. Он просто держал её в объятиях и чувствовал, как её тепло разгоняет холод внутри.

Но на следующее утро, когда он пришёл в институт, его ждал сюрприз. В коридоре его остановил Сергей — бледный, встревоженный.

— Воронов, — сказал он тихо. — В институте комиссия. Они проверяют твою лабораторию. Ищут нарушения.

Воронов почувствовал, как внутри всё сжимается.

— Кто их прислал?

— Не знаю. Но они уже в лаборатории. Они допрашивают Ирину.

Воронов бросился в лабораторию. Там было полно народу — люди в строгих костюмах, с папками, с холодными лицами. Ирина сидела за столом, бледная, и что-то говорила им. Увидев Воронова, она замолчала.

Один из комиссии — высокий мужчина с острым подбородком — повернулся к нему.

— Воронов? — спросил он.

— Да.

— Мы из Министерства здравоохранения. У нас есть информация, что вы используете несертифицированные препараты и проводите эксперименты без надлежащего разрешения. Мы должны провести проверку.

Воронов посмотрел на него. Он знал, что это Строев. Он знал, что это его люди. И он знал, что это только начало.

— Я готов ответить на все вопросы, — сказал он спокойно. — Но я хочу, чтобы вы знали: все документы в порядке. Разрешение было получено.

— Мы проверим, — сказал мужчина. — А пока вы должны приостановить работу. Воронов кивнул. Он знал, что не может спорить. Не сейчас.

Он вышел из лаборатории и прислонился к стене. Он думал о том, что Строев начал атаку. И он должен был быть готов.

Он вернулся домой поздно. Галя ждала его, и когда он вошёл, она увидела его лицо и всё поняла.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Просто работа.

Но она не поверила. Она подошла и обняла его.

— Я боюсь, Лёша, — сказала она. — Я боюсь за тебя.

— Я знаю, — ответил он. — Но я справлюсь. Обещаю.

Он знал, что это ложь. Но он также знал, что не может сдаться. Ради неё. Ради Королевы. Ради будущего.

Глава 8. Бумаги не горят

Москва, 7 февраля 1964 года.

Комиссия работала в лаборатории три дня. Они приходили утром, садились за стол Ирины, раскладывали бумаги и задавали вопросы — медленно, методично, с той особой бюрократической дотошностью, которая выматывает душу сильнее любого вопроса. Они проверяли журналы, сверяли накладные, требовали объяснений по каждой ампуле, по каждой колбе, по каждой записи в лабораторном дневнике. Ирина отвечала спокойно, но Воронов видел, как её руки дрожат, когда она передаёт им очередную папку.

Строев не пришёл сам. Он прислал своих людей — серых, невыразительных, с холодными глазами и папками, в которых уже были заготовлены выводы. Воронов понимал: это не проверка. Это спектакль. Они уже решили, что он виновен, и теперь искали доказательства.

Он не мог сидеть сложа руки. Пока комиссия рылась в его лаборатории, он изучал документы Верещагина. Папка была тонкой — всего несколько десятков листов, пожелтевших от времени, с выцветшими чернилами. Но даже этих листов хватало, чтобы понять: Строев был не просто чиновником. Он был палачом.

Воронов читал копии приказов, подписанных людьми, чьи имена ничего ему не говорили, но чьи должности заставляли холодеть кровь. Он читал списки — фамилии, даты, места. Люди, которые исчезли. Люди, которых нашли мёртвыми. Люди, которых отправили в лагеря по сфабрикованным делам. И за всем этим стоял один человек — Николай Петрович Строев, тогда ещё молодой сотрудник МГБ, а ныне — заместитель министра здравоохранения.

Но этого было мало. Документы были копиями, без печатей, без подписей свидетелей. В суде они не стоили ничего. Верещагин предупреждал: это только начало. Настоящие доказательства — приказы с подписями, показания свидетелей, финансовые документы — были спрятаны в другом месте. И Воронов должен был их найти.

Он позвонил Королеву. Тот ответил после первого гудка — видимо, ждал.

— Воронов? Что случилось?

— Сергей Павлович, мне нужна ваша помощь. У меня есть документы на Строева. Но этого недостаточно. Мне нужны настоящие доказательства — приказы, подписи, свидетели. Вы говорили, что у вас есть связи в ЦК. Можете ли вы узнать, где хранятся архивы МГБ за пятидесятые годы?

Королев помолчал.

— Это опасно, Воронов. Архивы МГБ — это не библиотека. Туда просто так не попасть. Но... — он сделал паузу, — я знаю одного человека. Бывший сотрудник архивного отдела, который ушёл на пенсию. Он может помочь. Но он боится. Он боится не меньше, чем твой Верещагин.

— Я готов рискнуть, — сказал Воронов. — Если мы не остановим Строева, он уничтожит всё. И меня, и вас, и программу.

— Хорошо, — сказал Королев. — Я свяжусь с ним. Завтра ты получишь адрес.

Воронов положил трубку и вернулся к документам. Он сидел в кабинете до глубокой ночи, перечитывая каждую строчку, пытаясь найти зацепку. И он нашёл. В одном из списков — фамилия, которую он уже видел. Не в документах Верещагина, а в другом месте. В списке сотрудников Министерства здравоохранения, которые получили повышение в пятьдесят девятом году. Строев был там. И ещё один человек — некто Владимир Сергеевич Кузнецов, который сейчас работал в аппарате ЦК.

Воронов отложил бумаги. Он вспомнил, что говорил Верещагин: «У него всегда есть покровитель. И этот покровитель — очень высоко». Кузнецов. Это имя ничего ему не говорило, но он знал, что оно может стать ключом.

На следующий день он получил адрес от Королева. Архивный работник — Пётр Николаевич Сомов — жил в маленькой квартире на окраине Москвы, в старом доме с облупившейся штукатуркой. Воронов приехал туда вечером, когда стемнело. Он поднялся по скрипучей лестнице и постучал.

Дверь открыл худой старик с седыми волосами и усталыми глазами. Он смотрел на Воронова с подозрением.

— Вы от Королева? — спросил он.

— Да. Меня зовут Воронов. Мне нужна ваша помощь.

Старик помолчал, потом отступил в сторону.

— Заходите. Быстро.

Квартира была маленькой и бедной — стол, два стула, кровать, шкаф с книгами. На стене висела фотография молодой женщины — видимо, жены, которая давно умерла. Сомов сел за стол и указал Воронову на стул.

— Королев сказал, что вы ищете документы на Строева, — начал он, не тратя времени на любезности. — Это опасно. Строев — не просто чиновник. Он — человек, который всегда убирает свидетелей.

— Я знаю, — ответил Воронов. — Но у меня нет выбора.

Сомов долго смотрел на него. Потом сказал:

— Я работал в архиве МГБ двадцать лет. Я видел многое. И я знаю, где хранятся документы, которые вам нужны. Но я не могу их достать. Я старый, я боюсь. У меня есть внучка, она живёт со мной. Если Строев узнает...

— Я понимаю, — сказал Воронов. — Я не прошу вас достать документы. Я прошу вас сказать мне, где они. Я достану их сам.

Сомов замаялся. Он смотрел на фотографию жены, и в его глазах была боль.

— Они в старом здании на Лубянке, — сказал он наконец. — В подвале. Там хранятся архивы за пятьдесят второй — пятьдесят девятый годы. Но туда нельзя попасть без специального пропуска. Охрана, замки, сигнализация.

— У меня есть пропуск, — сказал Воронов. — От Косыгина.

Сомов поднял бровь.

— Тогда у вас есть шанс. Но помните: если вас поймут, вас не просто уволят. Вас посадят. Или хуже.

— Я знаю, — ответил Воронов. — Спасибо.

Он встал и направился к двери. На пороге он обернулся.

— Пётр Николаевич, — сказал он. — Если всё получится, Строев больше не сможет никому угрожать. Ни вам, ни вашей внучке. Я обещаю.

Сомов кивнул, но в его глазах не было веры. Только усталость.

Воронов вышел на улицу. Снег снова начал падать, и Москва утопала в белой тишине. Он думал о том, что теперь у него есть план. Опасный, рискованный, но план.

На следующий день он поехал на Лубянку. Здание было серым, массивным, с высокими колоннами и тяжёлыми дверями. Охрана на входе проверила пропуск, сверила фотографию и молча кивнула. Воронов вошёл внутрь.

Коридоры были длинными, с высокими потолками и тусклым светом. Пахло пылью, старой бумагой и чем-то ещё — металлическим, холодным. Воронов шёл быстро, стараясь не привлекать внимания. Он спустился в подвал, где находился архив.

Дверь была массивной, с кодовым замком. Воронов набрал код, который ему дал Сомов. Замок щёлкнул, и дверь открылась. Но когда он вошёл внутрь, он услышал шаги за спиной. Он обернулся. В дверях стоял охранник — молодой парень с каменным лицом.

— Вы кто? — спросил он. — Что вы здесь делаете?

Воронов почувствовал, как внутри всё холодеет. Он не ожидал этого. Он думал, что пропуск Косыгина откроет ему все двери.

— Я здесь по поручению председателя Совета Министров, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Вот пропуск.

Охранник взял пропуск, долго изучал его. Потом поднял глаза.

— Здесь написано, что вы имеете доступ к архивам. Но не сказано, что вы можете находиться здесь без сопровождения. Я должен вызвать начальника.

Воронов понял, что это ловушка. Строев знал, что он придёт сюда. Он подготовился.

— Хорошо, — сказал он. — Вызывайте.

Но когда охранник отвернулся, чтобы снять трубку, Воронов рванулся вперёд. Он ударил охранника в челюсть — коротко, сильно, — и тот упал. Воронов быстро обыскал его, забрал ключи и скрылся в глубине архива.

Он нашёл папку через двадцать минут. Она была толстой, с грифом «Совершенно секретно». Внутри были приказы, подписанные Строевым. Списки людей, которых он убрал. Финансовые документы. И показания свидетелей.

Воронов сфотографировал каждую страницу. Он работал быстро, стараясь не думать о том, что может быть пойман. Когда он закончил, он убрал папку на место и вышел из архива через чёрный ход.

Он вернулся домой поздно вечером. Галя спала. Он сел за стол и начал просматривать фотографии. Теперь у него были доказательства. Настоящие доказательства. Он мог уничтожить Строева.

Но он также знал, что Строев не сдастся без боя. Он будет бороться. И Воронов должен был быть готов.

Он позвонил Королеву.

— Сергей Павлович, — сказал он. — У меня есть доказательства. Настоящие. Я могу уничтожить Строева.

— Хорошо, — ответил Королёв. — Завтра мы пойдём к Косыгину. Вместе.

Воронов положил трубку и посмотрел в окно. Снег продолжал падать, и Москва утопала в белой тишине. Но в его сердце было тепло. Он сделал это. Он нашёл доказательства. И теперь он собирался нанести удар.

Глава 9. Предъявление

Москва, 10 февраля 1964 года.

Косыгин принял их в том же кабинете, где Воронов впервые услышал о композитных материалах. Но теперь всё было иначе. За окном серело февральское утро, и снег, падавший крупными хлопьями, заклеивал стёкла, превращая Кремль в размытое пятно. В кабинете горела лампа под зелёным абажуром, и её свет ложился на стол, заваленный папками. Косыгин сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на вошедших тяжёлым, немигающим взглядом. Рядом с ним, чуть поодаль, стоял незнакомый Воронову человек — высокий, сухой, в строгом тёмном костюме, с бледным лицом и тонкими губами. Он не представился. Он просто стоял у окна, сложив руки за спиной, и наблюдал.

Королев вошёл первым. Он всё ещё опирался на трость — последствие болезни, — но держался прямо, и в его глазах горел тот самый огонь, который Воронов помнил по первой встрече. Он кивнул Косыгину, как старому знакомому, и сел на стул, не дожидаясь приглашения.

— Алексей Николаевич, — сказал он, — у нас есть разговор, который не терпит отлагательств.

Косыгин перевёл взгляд на Воронова.

— Садитесь, товарищ Воронов. Я слушаю.

Воронов сел. Он положил на стол папку — ту самую, с фотографиями документов из архива, — и раскрыл её. Его руки не дрожали. Он слишком долго ждал этого момента, чтобы теперь бояться.

— Алексей Николаевич, — начал он, — я хочу представить вам доказательства того, что заместитель министра здравоохранения Николай Петрович Строев является организатором целого ряда тяжких преступлений, включая убийства и шпионаж в пользу иностранной разведки.

Косыгин не изменился в лице. Он лишь медленно протянул руку и взял папку. Человек у окна повернул голову, и Воронов заметил, как его глаза сузились.

— Это серьёзное обвинение, — сказал Косыгин, перелистывая страницы. — У вас есть доказательства?

— Да, — ответил Воронов. — В папке — фотокопии документов из архива МГБ за пятьдесят восьмой — пятьдесят девятый годы. Приказы, подписанные лично Строевым. Списки людей, которых он убрал. Финансовые документы, подтверждающие, что он получал деньги от иностранной разведки. И показания свидетелей, которые видели, как он отдавал приказы.

Косыгин молчал. Он переворачивал страницы одну за другой, и в кабинете было слышно только шуршание бумаги. Человек у окна отошёл от подоконника и подошёл ближе, заглядывая через плечо Косыгина. Воронов видел, как его лицо бледнеет.

— Это копии, — сказал наконец Косыгин. — Где оригиналы?

— Оригиналы в архиве на Лубянке, — ответил Воронов. — Я не мог их забрать. Но я могу указать точное место хранения.

— Кто ещё видел эти документы? — спросил человек у окна, впервые подав голос. Голос был тихим, но в нём слышалась сталь.

Воронов обернулся к нему.

— Кто вы? — спросил он прямо.

Человек посмотрел на Косыгина. Тот кивнул.

— Это Юрий Владимирович Андропов, — сказал Косыгин. — Заведующий отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Он курирует вопросы безопасности.

Воронов почувствовал, как внутри всё напряглось. Андропов. Один из самых влиятельных людей в аппарате. Если он на стороне Строева, всё пропало.

— Отвечаю на ваш вопрос, — сказал Воронов, глядя прямо на Андропова. — Документы видел я, архивист, который указал мне место хранения, и бывший сотрудник МГБ, который передал мне первые копии. Все они готовы дать показания.

— Имена, — потребовал Андропов.

— Пётр Николаевич Сомов, бывший сотрудник архивного отдела. И Пётр Ильич Верецагин, бывший сотрудник МГБ.

Андропов побледнел ещё сильнее. Он отвернулся к окну и долго молчал, глядя на падающий снег. Потом сказал тихо, не оборачиваясь:

— Верецагин. Я знаю это имя. Он был уволен из органов в пятьдесят девятом году. За отказ выполнить приказ. Официально — за «моральную нечистоплотность».

— Он отказался убить невиновного, — сказал Воронов. — И Строев уничтожил его карьеру. Как уничтожил карьеры многих других.

Косыгин закрыл папку и положил её на стол. Он смотрел на Воронова долгим, тяжёлым взглядом.

— Товарищ Воронов, — сказал он, — вы понимаете, что это значит? Если ваши доказательства подлинные, мы имеем дело с одним из самых опасных преступников в системе. Если поддельные — вы ответите по всей строгости.

— Я понимаю, — ответил Воронов.

— Что вы предлагаете?

Воронов глубоко вздохнул. Он знал, что этот момент наступит. Он готовился к нему.

— Я предлагаю провести проверку архива на Лубянке, — сказал он. — Если документы на месте, Строев будет изобличён. Если нет — я готов понести наказание.

Косыгин повернулся к Андропову.

— Юрий Владимирович, что скажешь?

Андропов отошёл от окна. Его лицо было непроницаемым, но в глазах застыла холодная решимость.

— Я знаю Строева, — сказал он. — И я знаю, что он способен на всё. Если документы подтвердятся, я лично прослежу за его арестом. Но сначала я хочу убедиться, что это не провокация.

Он подошёл к столу и взял папку. Перелистал страницы, вглядываясь в каждую строчку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.